

ПРИВАВЛЕНІЯ КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.)

СЕНТЯБРЯ 15. № 18. 1880 ГОДА.

С Л О В О

въ день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.

Добро благодатию утверждати сердца (Евр. XIII, 9.)

Этиими словами, слушатели, Апостоль выражаетъ, что постоянство добраго духовнаго настроенія, твердость высокихъ сердечныхъ убѣжденій и величіе нравственнаго характера даруются намъ Господомъ въ награду за нашу благочестивую жизнь, и потому напрасно нѣкоторые думаютъ, что этихъ драгоценныхъ качествъ души можно достигнуть естественными средствами и сохранить ихъ при условіяхъ пріобрѣтенія какихъ-либо преимуществъ и благъ земной жизни.

Ныѣшняя Евангельская исторія доказываетъ справедливость сего изрѣченія Апостола убѣдительнымъ примѣромъ. Она представляетъ намъ на видѣ два лица, совершенно одно другому противоположныя по внѣшнему положенію и имѣющія совершенно различное значеніе въ мірѣ. Предтеча Господень Іоаннъ съ раннихъ лѣтъ оставляетъ міръ, прерываетъ съ нимъ всякія связи, и такимъ образомъ лишается въ немъ всякой помощи и поддержки; онъ живетъ отшельникомъ въ глухой, безплодной безлюдной пустынѣ, питается самою скудною пищею, носитъ самую бѣдную и суровую одежду;—и въ этой бѣднѣйшей обстановкѣ силою молитвы и подвигами благочестивой жизни достигаетъ такого нравственнаго величія, что своими рѣчами привлекаетъ вниманіе всѣхъ людей и безъ всякой внѣшней власти овладѣваетъ ихъ сердцами. Оставляя свои грады и веси, народъ всякаго званія толпами стремится къ

нему, дабы получить отъ него нравственное назиданіе и подкрѣпленіе и его ученіемъ умиротворить свои тяжелыя сомнѣнія и безпокойные жизненные вопросы. Обличающее и призывающее къ покаянію его слово, подобно грому, поражало слушателей, и однихъ приводило въ изумленіе, а другихъ въ страхъ и трепеть. Пророкъ Божій не боялся высказывать истину не только предъ книжниками и фарисеями, имѣвшими въ то время важное значеніе въ Иудейскомъ обществѣ, но даже проникъ съ словомъ обличенія въ самый царскій дворъ, хотя и предвидѣлъ всѣ печальныя послѣдствія такой проповѣди. Заключенный въ темницу,—онъ и здѣсь не оставляетъ своихъ убѣжденій и здѣсь является грознымъ обличителемъ и предметомъ боязни для преступнаго царскаго семейства. Для его возвышеннаго духа правда была дороже самой жизни, что и доказалъ онъ своею мученическою смертію (Марк. (VI. 14—29).

Какимъ же нравственнымъ безсиліемъ, при всемъ своемъ земномъ величіи и царскихъ преимуществахъ, является Иродъ въ сравненіи съ бѣднѣйшимъ пустыннымъ—пророкомъ Іоанномъ? Казалось бы, что вѣйшее могущество дастъ ему побужденія и возможность дѣйствовать самостоятельно,—по своимъ мыслямъ и чувствамъ и во всемъ исполнять собственную добрую волю. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ противное. Роскошная, смстололюбивая и любострастная жизнь до того обезсилила и исказила его природу, что онъ сдѣлался смѣшною и вмѣстѣ жалкою игрушкою въ рукахъ безстыдной женщины. Онъ зналъ Іоанна, какъ мужа праведнаго и святаго, видѣлъ въ немъ необыкновеннаго учителя и въ часы нравственнаго просвѣтленія со вниманіемъ слушалъ его,—и онъ же, въ угоду преступной женщинѣ, заключаетъ его въ темницу, какъ будто великаго злодѣя. Не желая нарушить легкомысленнаго обѣщанія, даннаго въ минуту безумнаго восторга безнравственной и пошлой юной плясавицѣ, онъ приказываетъ даже обезглавить Іоанна, хотя въ тоже самое время съ прискорбіемъ сознаетъ, что онъ дѣлаетъ такую жестокую несправедливость вопреки собственнымъ искреннимъ убѣжденіямъ. Не есть ли это позорное рабство предъ другими и предъ самимъ собою? Не ниже ли чувствуетъ себя этотъ грѣшный царь предъ своимъ святымъ плѣнникомъ, силы котораго онъ боится не только при жизни, но даже послѣ смерти его?..

Слушатели христіане! Мы часто слышимъ жалобы, что въ наше время мало сильныхъ людей, отличающихся постоян-

ствомъ, твердостію убѣжденій и характера, и, кажется мы все согласны въ томъ, что эти качества составляютъ высокое достоинство человѣческаго духа. Для насъ и теперь представляется и навсегда останется предметомъ удивленія та внутренняя таинственная сила въ видимой природѣ, которая, при всѣхъ разнообразныхъ физическихъ явленіяхъ и движеніяхъ планетъ, твердо и постоянно удерживаетъ въ ней одинаковый порядокъ, ограничиваетъ извѣстными предѣлами теченіе водъ, приводитъ возмущившіяся стихіи въ стройное соотношеніе и согласіе, и все стремленія и дѣйствія міровой жизни направляетъ по одному плану, который предначертанъ премудрымъ Творцемъ. Намъ желателно, чтобы и въ человѣческой жизни была такая разумная, твердая сила, которая бы сводила все разнообразныя отправления и дѣйствія ея къ одной великой и опредѣленной цѣли. Когда нашими стремленіями и дѣйствіями управляютъ какія либо высокія, сильныя и вліятельныя убѣжденія, тогда жизнь начинаетъ идти болѣе разумнымъ и стройнымъ путемъ, и все наши мысли и занятія носятъ на себѣ опредѣленный твердый характеръ; потому что въ основаніи ихъ лежитъ одно главное начало, направляющее къ одной опредѣленной цѣли. Такая разумная стройная дѣятельность даетъ успѣхъ нашимъ стремленіямъ и занятіямъ, и мы въ это время становимся какъ бы выше, чувствуемъ душевное спокойствіе и наслаждаемся миромъ совѣсти. Кто же не имѣетъ въ себѣ строго обдуманнаго и глубокаго убѣжденія, кто легко подчиняется всякому темному желанію своей воли, или вышнему случайному вліянію, колеблется всякимъ вѣтромъ ученія, и затѣмъ постоянно перемѣняетъ свои мысли и намѣренія; тотъ естественно является неустроеннымъ въ путяхъ своей жизни, и вся дѣятельность такого человѣка *подобится волнамъ морскимъ, вѣтромъ поднимаемымъ и разбиаемымъ* (Іак. I—6); чѣмъ въ одно время онъ увлекается и услаждается; тоже самое послѣ становится предметомъ разочарованія, презрѣнія и отвращенія. Тогда въ человѣческую жизнь вносятся такой же хаотическій безпорядокъ, какой мы видимъ въ природѣ, когда стихійныя силы ея теряютъ свое должное отношеніе къ главнымъ управляющимъ физическимъ законамъ.

Все эти истины, слыш., намъ хорошо извѣстны и понятны, и все люди, какъ и цѣлыя человѣческія общества стремятся осуществить ихъ въ самой жизни.

Первое всего, этого желаютъ достигнуть путемъ воспита-

нія и науки. Есть мыслители, которые относительно этого предмета рассуждаютъ такъ,—что постоянство нормальнаго поведенія зависитъ отъ развитія умственныхъ силъ, и въ виду этого считаютъ нужнымъ съ одной стороны внушить во время воспитанія какія либо наукою выработанныя убѣжденія, а съ другой, придать этимъ убѣжденіямъ такую силу, чтобы они могли быть постояннымъ руководительнымъ началомъ во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ нашей жизни. Знаніе, по ихъ ученію, является такимъ всемогущимъ средствомъ, которое только одно можетъ вести человѣка къ добру и только оно одно можетъ поддержать и утвердить въ насъ доброе нравственное настроеніе. Но кто внимательно слѣдилъ за человѣческой жизнью, тотъ, конечно, знаетъ, что человѣческія науки мало, а иногда даже нисколько не способствуютъ тому, чтобы образовать въ людяхъ твердое непреклонное ко злу сердце и удерживать ихъ въ постоянномъ добромъ настроеніи, такъ чтобы они всегда и во всемъ своею внѣшнею дѣятельностію отвѣчали своимъ искреннимъ убѣжденіямъ и лучшимъ сердечнымъ желаніямъ.

Наука раскрываетъ предъ нами значеніе предметовъ и явленій нравственнаго міра, указываетъ, что по существу своему хорошо, и можетъ какъ для насъ, такъ и для другихъ людей приносить добрыя послѣдствія; съ другой стороны она помогаетъ намъ яснѣе видѣть и понимать силу зла съ его вреднымъ вліяніемъ на нашу личную и общественную жизнь. Но задача и цѣль жизни человѣка какъ существа нравственнаго, не того одного требуетъ отъ него, чтобы онъ умѣлъ различать доброе отъ злаго полезное отъ вреднаго и давать тому и другому должную цѣну. Нѣтъ;—онъ долженъ выражать свои понятія о добрѣ въ самой дѣятельности, и здѣсь являться всегда послѣдовательнымъ, вѣрнымъ и неутомимымъ подвижникомъ. Такимъ образомъ, при знаніи требуется еще твердая воля, которая бы своею силою приводила въ надлежащее согласіе нашу внѣшнюю жизнь съ лучшими внутренними стремленіями и убѣжденіями. Но вѣковъй опытъ человечества свидѣтельствуетъ, что этой-то твердой воли,—не поколебимой рѣшимости дѣлать добро и недостаётъ въ человѣкѣ. Люди постоянно жалуются на этотъ недостатокъ, и тайно и открыто сознаютъ себя безсильными всегда слѣдовать справедливымъ требованіямъ нравственнаго долга и совѣсти: *добра, которая я хочу, не дѣлаю, а зло, котораю не хочу,*

дѣлаю; въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлющій меня плнишии мѣ закона грѣховнаго (Римл. VI, 19) — вотъ исповѣдь Апостола, которую, съ прискорбнымъ сознаниемъ можно произнести отъ лица всего человѣческаго рода! И если мы вскроемъ внутреннюю личную исторію жизни каждаго изъ насъ; то увидимъ въ ней опыты и притомъ самыя разнообразныя доказательства справедливости словъ Апостола. Мы дѣлаемъ не только то, что въ другихъ осуждаемъ и ставимъ предметомъ порицанія и презрѣнія, но какъ бы невольно повторяемъ такіе проступки, вредныя послѣдствія которыхъ испытывали на самихъ себѣ, и противъ которыхъ неоднократно огрыждали себя разными обѣтами и даже клятвѣми. Самые лучшіе, по мнѣнію общества, люди часто страдаютъ такимъ непостоянствомъ характера, что, смотря на раны противорѣчій въ жизни ихъ, справедливо можно назвать ихъ невольниками какъ въ отношеніи другихъ, такъ и самихъ себя. Призванные учителя нравственности и обличители общественныхъ пороковъ иногда въ сугубой мѣрѣ предаются такимъ грѣхамъ, отъ которыхъ предостерегаютъ другихъ, раскрывая при этомъ въ ясныхъ и живыхъ образахъ вредное значеніе ихъ и печальныя послѣдствія. Блюстители законовъ, понимающіе болѣе другихъ благотворное вліяніе ихъ на благосостояніе человѣческихъ обществъ и считающіе исполненіе ихъ нужнымъ для общественнаго блага, сами нерѣдко нарушаютъ ихъ, и волятся въ своихъ дѣйствіяхъ безсознательнымъ и порочнымъ произволомъ. Врачи тѣлесныхъ болѣзней, отчетливо знающіе исторію и происхожденіе ихъ, часто увлекаются такими страстями и пороками, которые, по многократному наблюденію ихъ же самихъ, весьма вредно дѣйствуютъ на здоровье, преждевременно разрушаютъ тѣлесную жизнь. Если кто изъ васъ, слушатели, пожелаетъ еще болѣе повѣрить ту истину, что одна человѣческая наука не можетъ образовать искренно—и твердо-добродѣтельныхъ людей; то пусть внимательно присмотрится въ жизни тѣхъ лицъ, которые слушали многія науки, во всемъ довѣряютъ имъ и превозносятся ихъ знаніемъ,—и тогда онъ личнымъ опытомъ убѣдится, что весьма многіе изъ такихъ образованныхъ не такъ ведутъ жизнь свою и не такъ относятся къ своимъ ближнимъ, какъ учили ихъ въ школахъ, и какъ они сами, по требованію благоприличія, часто разсуждаютъ предъ лицемъ общества. При сужденіи о нѣкоторыхъ

изъ нихъ, сами собою придуть на память тѣ изрѣченія, которыя вызсказалъ Спаситель о книжникахъ и фарисеяхъ, славившихся въ свое время ученостію: *они глаголютъ и не творятъ; вся дѣла творятъ, да видимы будутъ человеки; оцѣживаютъ комаровъ, и пожираютъ верблюдовъ;—это обльенные тробы, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты* (Матѳ. XXIII).

Да и могутъ ли человѣческія идеи и нравственныя правила внушить къ себѣ такое уваженіе и довѣріе, чтобы мы всегда имѣли терпѣніе держаться ихъ, при всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни? *Помышленія смертныхъ, говоритъ премудрый, боязлива, и поцѣпительна умшленія наша* (IX. 14). Во время внѣшняго спокойствія и при полномъ здоровьи, различныя научныя теоріи и идеи могутъ еще составлять интересъ для нашей мысли и казаться иногда великими и важными. Но могутъ ли они поддержать и укрѣпить нашу любовь къ благороднымъ занятіямъ, честности и справедливости въ години тяжкихъ испытаній и при видѣ поражающихъ противорѣчій въ нравственномъ мірѣ? Какая философія можетъ успокоить нашъ духъ и поддержать нашу энергію къ благородному и полезному труду, при видѣ тѣхъ печальныхъ картинъ, когда намъ представляются обращенными въ прахъ и пепель, отъ дѣйствія ли разрушительныхъ слѣпыхъ силъ природы или человѣческой ненависти и злобы, такое общественное благосостояніе, на устроеніе котораго друзья человѣчества полагали всѣ силы своего человѣколюбія, что стоило имъ многихъ заботъ и трудовъ, поглощавшихъ собою многіе годы ихъ жизни? Какое человѣческое ученіе въ силахъ поддержать и укрѣпить наши привязанности къ истинѣ и добродѣтели, когда мы видимъ, что грубые, безнравственные и невѣжественные люди повелѣваютъ и глумятся надъ ревнителями благочестія и добродѣтели, проповѣдникъ истины, правды и любви за свои святыя убѣжденія терпитъ отъ нихъ поношеніе, гоненіе и наконецъ послѣ продолжительныхъ страданій умираетъ позорною смертію преступника? Какой человѣческій законъ можетъ внушить уваженіе и укрѣпить довѣріе къ правдѣ и справедливости, когда мы замѣчаемъ, что нечестивые усѣиваютъ на своемъ пути къ земному счастью, благодаря разнымъ интригамъ, лицемѣрію, изворотливости и человѣкоугодничеству, а честные и неутомимые труженники остаются незамѣтными, обездоленными,—въ постоянныхъ трудахъ и заботахъ о насущномъ

пропитаніи?—Неопытные и безсильные преступники терпятъ строгій судъ и подвергаются наказаніямъ, а сильные, опытные и изворотливые злодѣи живутъ въ покоѣ и довольствіи на счетъ изнурительныхъ трудовъ своихъ ближнихъ? Какія, наконецъ, идеи и убѣжденія человѣческаго ума могутъ ободрить, успокоить и укрѣпить нашъ духъ въ тѣ критическіе моменты жизни, когда намъ самимъ угрожаетъ какая либо страшная опасность, когда являются болѣзни,—эти предвѣстники смерти, чтобы напомнить намъ, что часъ ея не далекъ отъ насъ?.. Тогда по истиннѣ, всѣ эти человѣческія мысли, которыя иногда представляются намъ великими и важными, окажутся въ сущности такими же ничтожными, какъ соломенки для утопающихъ въ морской пучинѣ...

Есть еще люди, которые говорятъ, что каждый человѣкъ тогда только можетъ чувствовать себя твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ и въ тоже время съ искреннею справедливостію относиться къ другимъ, когда онъ сдѣлается свободнымъ отъ разныхъ стѣнительныхъ вліяній и житейскихъ нуждъ, которыя, поставляя его въ зависимость отъ другихъ, тѣмъ самымъ выпускаютъ къ подобострастію, человѣкоугодничеству и лѣнности самому себѣ. Но немного вниманія и наблюдательности, чтобы увидѣть несостоятельность и этого мнѣнія. Не обращаясь къ лѣтописямъ исторіи, одного легкаго простаго наблюденія достаточно, чтобы доказать, что по роки, извращающіе прямыя и искреннія отношенія къ себѣ и другимъ, какъ-то: лицемѣріе, изворотливое подобострастіе, человѣкоугодничество и ложь во всѣхъ разнообразныхъ видахъ имѣютъ для себя болѣе мѣста между богатыми и славными міра сего,—между высшими слоями общества, чѣмъ въ простомъ народѣ, хотя бы только по тому одному, что онъ водится въ своей жизни и дѣятельности болѣе непосредственнымъ сознаниемъ и чувствомъ и незнакомъ съ искусственными требованіями такъ называемаго свѣтскаго этикета и приличія. Мало ли между первыми можно встрѣтить такихъ лицъ, которыя, подобно Ироду и Пилату, готовы, по одному капризу, измѣнить самымъ высокимъ и святымъ убѣжденіямъ для достиженія какихъ-либо самолюбивыхъ и честолюбивыхъ цѣлей!.. И напротивъ сколько въ бѣдномъ и простомъ народѣ можно видѣть такихъ прямодушныхъ, открытыхъ и правдолюбивыхъ личностей, которыя, подобно исцѣленному Евангельскому слѣпцу, высказываютъ истину искренно и неболезненно, хотя

бы другіе и удерживали ихъ отъ того разными способами лести и угрозы? Не доказываютъ ли намъ очевидные примѣры, что чувственные удовольствія, развиваясь болѣе въ кругу людей богатыхъ, до того изпѣживаютъ и обезсиливаютъ ихъ нравственную природу, что они дѣлаются неспособными не только къ подвигамъ терпѣнія и самоотверженія, но даже къ болѣе или менѣе глубокой сосредоточенности въ мысляхъ и къ серьезной обдуманности своихъ поступковъ,—такъ что легкомысліе и слабоволіе весьма часто составляютъ нездоровый и печальный признакъ всего этого класса?.. И наблюдающій за нравственнымъ состояніемъ богатыхъ семействъ часто, очень часто увидитъ въ живыхъ и разительныхъ примѣрахъ оправданіе словъ Апостола Павла: *желающіе обогатиться впадаютъ въ искушеніе и въ сѣть и во многія безразсудныя и вредныя похоти, кото,ры погружаютъ людей въ блдствіе и пагубу* (I. Тим. IV, 9). Раствляясь въ разныхъ прелестныхъ похотяхъ сами, въ тоже время они часто являются пагубною заразою цѣлыхъ человѣческихъ обществъ, обезсиливая и расслабляя ихъ, внесеніемъ изпѣживающихъ, вредныхъ обычаевъ жизни, до того, что они оказываются негодными къ терпѣливому труду, воздержанію, теряютъ энергію и благородныя стремленія къ высшимъ духовнымъ интересамъ и, съ забвеніемъ требованій нравственнаго долга, легко подчиняются каждому вышнему влиянію обстоятельствъ, влаются всякимъ вѣтромъ ученія, увлекаются всякимъ соблазномъ, такъ что, при взглядѣ на такихъ людей, иногда весьма трудно рѣшить вопросъ:—дѣйствительно ли человѣкъ есть разумно-свободное существо, а не одинъ изъ видовъ животныхъ, „водимыхъ вождельніями и страстями тѣлесной природы“, (11 Петр. 2, 12) или безсознательно и рабски слѣдующихъ чуждой волѣ.

Чѣмъ же, слушатели, можемъ укрѣпить наши души такъ, чтобы мы всегда неуклонно слѣдовали своимъ лучшимъ искреннимъ убѣжденіямъ, безъ скорби смотрѣли на свою прошедшую и безъ малодушнаго, иногда тяжелаго сомнѣнія на настоящую дѣятельность, не чувствуя на себѣ ига грѣховнаго рабства? Чего нельзя ожидать отъ людей и человѣческихъ средствъ, то можно получить отъ Бога: *Аще сынъ, говорить о Себѣ Спаситель, свободитъ вы, воистину свободни будете* (Іоан. VIII. 31). Въ Немъ и отъ Него, по изрѣченію Апостола, *явилась спасительная благодать Божія для всѣхъ чловѣковъ, научающая насъ, чтобы мы, отвержувъ нечестіе и мірскія по-*

жсти, цѣломудренно, праведно и благочестиво жили въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ожидая блаженнаго упокоенія и явленія славы великаго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Который далъ Себя за насъ, чтобы избавить насъ отъ всякаго беззаконія, и очистить Себя народъ особенный, ревностный къ добрымъ дѣламъ. (Тит. 2, 11. 12, 13. 14). Мы тогда только можемъ избѣгнуть печальныхъ, безпокоющихъ противорѣчій въ своей жизни, чувствовать блаженную свободу и миръ въ душѣ своей, когда, при свѣтѣ Христова ученія, будемъ смотрѣть на нашу душу, какъ на такое неоцѣненное сокровище, въ сравненіи съ которымъ видимый міръ со всѣми его благами окажется *тщетою и змѣтами*; когда на разныя удовольствія и привилегіи здѣшней жизни будемъ взирать, какъ на скоропреходящую случайную принадлежность человѣка, и напротивъ на духовныя блага: истину, правду и любовь, какъ на такое достоинство, которое составитъ для насъ вѣчно блаженное наследство въ будущемъ царствѣ Христа Спасителя. У насъ не можетъ ослабѣвать привязанность и ревность къ правдѣ и благочестію и нарушаться нормальное теченіе жизни, когда мы, соудлаждаясь закону Божию, съ полнымъ сознаніемъ, любовью и свободною преданностію будемъ тяготѣть къ Богу и руководиться Его волею, открытою въ благодатномъ Евангельскомъ ученіи, подобно тому, какъ планеты, тяготѣя къ центральному солнцу, всегда сохраняютъ себя въ постоянномъ неизмѣнномъ порядкѣ, не смотря на всѣ свои разнообразныя движенія, отправления и воздѣйствія на нихъ многочисленныхъ стихійныхъ силъ. Когда главнымъ заправляющимъ началомъ всѣхъ разнообразныхъ и разнохарактерныхъ человѣческихъ волей будетъ воля Божія—единая, благая, святая и совершенная;—тогда какъ въ жизни каждаго лица, такъ и цѣлаго человечества будутъ одни благія стремленія и одни святые убѣжденія, твердыя и одушевляемыя свѣтлою и радостною Евангельскою надеждою, что всякое доброе дѣло, совершенное во имя истины, правды и любви, оставаясь часто неоцѣненнымъ и не награжденнымъ здѣсь на землѣ, непременно получитъ великую и славную мзду на небеси.—Кто проникнется такимъ духомъ Евангельскаго ученія, кто постоянно будетъ имѣть въ своей памяти образъ Христа Спасителя, смирившаго Себя и послушнаго волю Отца небеснаго даже до смерти и смерти крестной и за то превознесеннаго, такъ что предъ именемъ Иисуса преклонилось

всяко колыно небесныхъ, земныхъ, и преисподнихъ, (Филипп. 11: 8, 9, 10), тотъ можетъ увѣрять свою волю въ добръ такъ, что не въ силахъ будутъ отклонить ее отъ исполненія нравственнаго долга ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни голодъ, ни нагота, ни опасность, ни мечь, ни жизнь, ни смерть, ни настоящее, ни будущее (Римл. VIII. 35—38) Онъ никогда не явится мнительнымъ, малодушнымъ и боязливымъ рабомъ въ своей дѣятельности, а всегда будетъ представлять истиннаго сына свободы, для которой на землѣ нѣтъ никакихъ препятствій и стѣсненій;—чувствуя свою нравственную крѣпость, онъ съ увѣренностію можетъ повторять слова Апостола: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Исусъ Христъ; если Богъ по насъ, кто противъ насъ?* (Филипп. IV. 13. Рим. VIII. 31).

И въ самомъ дѣлѣ, какое чудное зрѣлище представляетъ намъ исторія христіанской вѣры въ жизни святыхъ, создавшихъ свои убѣжденія на благодатномъ Евангельскомъ ученіи! Какихъ примѣровъ твердости воли, какихъ подвиговъ терпѣнія великодушія и самоотверженія не представляютъ намъ христіанскіе исповѣдники и мученики? *Чтобы не было порицаніа служеніе, говоритъ Апостоль, мы во всемъ являемъ себя, какъ служители В ж и въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, нуждахъ, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, подъ ударами, въ темницахъ, въ чистотѣ, въ благоразуміи, въ великодушіи, въ нелицемѣрной любви, въ словѣ истины, съ оружіемъ въ авды въ правой и лъвой рукѣ.* (2 Кор. VI. 4, 5, 6, 7). Какіе люди съ такою силою и съ такимъ непоколебимымъ мужествомъ защищали и отстаивали свои убѣжденія? Откуда же, какъ не отъ благодати Божіей заимствовали эти бѣдные рыбаки, эти скитальцы въ горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ ту великую нравственную силу, которою они побѣдили весь міръ, заставили его отказаться отъ своихъ закоренѣлыхъ предразсудковъ и суевѣрій и принять новый образъ жизни, совершенно противоположной прежнему?... Такъ цѣлая исторія христіанской церкви доказываетъ истину словъ Апостола: *добро благодатию утверждати сердца* (Евр. XIII, 9). И если мы внимательнѣе и безпристрастнѣе всмотримся въ нравственное состояніе людей настоящаго времени; то опять убѣдимся, что нигдѣ нѣтъ столько нравственной силы, такой искренней преданности правдѣ и такого глубокаго отвращенія къ лицемерію, подобострастію и челоуѣкоугодничеству, какъ въ людяхъ, любящихъ молитвенную бесѣду съ Богомъ и постоянно повѣ-

ряющихъ жизнь свою Евангельскимъ ученіемъ. Поэтому не отъ людей, прилажающихся многоразличнымъ и страннымъ ученіямъ, одѣвающихъ въ пышныя одежды и пресыщающихся роскошными яствами мы можемъ ожидать нравственнаго возстановленія и укрѣпленія нашей жизни, но отъ лицъ и семействъ, воспитывающихся въ простотѣ христіанской мудрости, образующихъ свой характеръ подъ впливомъ ея строгихъ правилъ и привыкшихъ возвышаться надъ всѣмъ земнымъ и чувственнымъ. Путь для достиженія духовной свободы и нравственнаго величія есть путь самоотверженія и побѣды тѣлесныхъ страстей;—этимъ путемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ избавилъ насъ отъ духовнаго рабства, ого Онъ заповѣдалъ и намъ, чтобы мы являлись сынами свободы.

И такъ стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять иу рабства. (Галат. V. 1.)

Ректоръ семинаріи, протоіерей Петръ Лосевъ.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

Августа 9-го дня сего 1880 года скончался въ Устьсы-
сольскѣ настоятель тамошняго Троицкаго собора, протоіерей
Вонифатій Георіевичъ Кокшаровъ, на 70 году отъ рожденія,
послѣ непродолжительной болѣзни, къ общему сожалѣнію мѣст-
ныхъ жителей, питавшихъ къ нему искреннюю любовь и
уваженіе. Вотъ краткій очеркъ служебной дѣятельности досто-
почтеннаго отца протоіерея. Онъ былъ родомъ Устьсысоль-
скаго уѣзда Койгородской Спасской церкви причетнической
сынъ. По окончаніи въ 1834 году курса наукъ въ Вологод-
ской семинаріи съ причисленіемъ въ первому разряду воспи-
танниковъ, онъ въ томъ же году Августа 6-го былъ рукопо-
ложенъ во священника Устьсысольскаго Троицкаго собора, а
26 Сентября назначенъ учителемъ во 2-й классъ мѣстнаго
духовнаго училища. Въ 1835 году, Февраля 3, опредѣленъ
присутствующимъ Устьсысольскаго духовнаго правленія, а 8
Сентября законоучителемъ народнаго приходскаго училища.
Въ 1837 году, Юля 16, опредѣленъ смотрителемъ духовнаго
училища. Въ 1839 году, Августа 26, Пресвященнѣйшимъ
Стефаномъ, Епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ, возве-
денъ въ санъ протоіерея и награжденъ набодренникомъ. Въ
томъ же году, Юля 13, Высочайше утверженъ членомъ
Устьсысольскаго уѣзднаго тюремнаго комитета, переименован-

наго послѣ въ отдѣленіе, а Сентября 30 опредѣленъ первоприсутствующимъ духовнаго правленія и сотрудникомъ Вологодскаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Въ 1842 году, Июля 10, утвержденъ въ званіи предсѣдательствующаго директора вышеупомянутаго тюремнаго отдѣленія. Въ 1858 году, Сентября 8, опредѣленъ законоучителемъ женскаго второразряднаго училища, каковую должность проходилъ до 18.1 года безмездно, за что отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія объявлена ему искренняя благодарность. Въ 1869 году, Февраля 23, избранъ въ члены Устьсысольскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Въ 1872 году, Декабря 28, Преосвященнѣйшимъ Палладіемъ, Епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ, утвержденъ членомъ и авленія Устьсысольскаго духовнаго училища. Кромѣ упомянутыхъ должностей, состоялъ онъ еще членомъ разныхъ мѣстныхъ комитетовъ, комиссій и проч., а именно, съ 1852 г. членомъ устьсысольскаго комитета общественнаго здравія; съ 1853 г. членомъ комиссіи по построенію новаго каменнаго храма въ Устьсысольскѣ во имя св. Стефана, Епископа Пермскаго; съ 1854 г. членомъ Устьсысольскаго оспеннаго комитета; съ 23 Февраля по 18-е Августа 1868 г. членомъ Устьсысольскаго уѣзднаго отдѣленія попечительнаго общества о призрѣніи нищихъ, открытаго по случаю неурожая и голода въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи. За отлично-ревностную и полезную службу въ 1848 г., 25 Апрѣля Всемилостивѣйше награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею; въ 1854 г., 17 Апрѣля—камилавкою; въ 1859 г. 2 Мая—наперснымъ золотымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ, въ 1864 г. 3 Февраля—орденомъ св. Анны 3 степени; въ 1869 г. 24 Апрѣля—орденомъ св. Анны 2 степ.; въ 1873 г. 8 Сентября—орденомъ св. Анны 2 степени съ Императорскою короною; въ 1879 г. 1 Апрѣля—орденомъ св. Владиміра 4 степ. Имѣлъ бронзовый наперсный крестъ за войну 1853—1856 годовъ. Сверхъ Высочайшихъ наградъ, много разъ получалъ отъ Вологодскихъ Преосвященныхъ архипастырское благословеніе и благодарность за пазидательную жизнь и похвальную дѣятельность.

Т И Р А Ж Ъ

выигрышей билетовъ 2 займа 1 Сентября 1880 года.

Главнѣйшіе выигрыши:

Выигравшіе билеты.		Сумма.	Выигравшіе билеты.		Сумма.
Нумеръ серіи.	Нумеръ билета.	выигры- ша: рубли.	Нумеръ серіи.	Нумеръ билета.	выигры- ша: рубли.
13,726	19	200,000	07,757	11	1,000
09,700	7	75,000	13,267	11	1,000
05,274	31	40,000	07,840	47	1,000
08,843	50	25,000	06,579	47	1,000
18, 83	9	10,000	14,639	36	1,000
06,938	30	10,000	02,563	17	1,000
01,854	30	10,000	12,977	50	1,000
08,014	13	8,000	15,537	3	1,000
14,33	10	8,000	09,637	2	1,000
15,321	46	8,000	08,523	27	1,000
14,882	15	8,000	02,373	24	1,000
11,155	33	8,000	09,760	8	1,000
13,330	47	5,000	16,131	34	1,000
07,938	17	5,000	15,463	38	1,000
06,361	1	5,000	18, 56	7	1,000
01,356	18	5,000	03,532	30	1,000
06,438	39	5,000	18,869	22	1,000
10,771	5	5,000	01,354	6	1,000
05,769	28	5,000	02,097	13	1,000
07,49	19	5,000	08,611	45	1,000

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

вышла изъ печати книга:

„РУКОВОДСТВО КЪ ПРОИЗВОДСТВУ ДОЗНАШІИ И СЛѢД-
СТВІИ ПО ПРОСТУПКАМЪ И ПРЕСТУПЛЕНІЯМЪ СВЯ-
ЩЕННО--ЦЕРКОВНО--СЛУЖИТЕЛЕИ ПРОТИВЪ ДОЛ-
ЖНОСТИ, БЛАГОЧІНІЯ И БЛАГОПОВЕДЕНІЯ, А ТАК-
ЖЕ О СОБЫТІЯХЪ БРАКОВЪ И РОЖДЕНІИ“

Составлено членомъ Пермской Духовной Консисторіи, ка-
ведральнымъ протоіереемъ Александромъ Лукавичемъ. Изда-

не второе, исправленное и дополненное наставленіями о производствѣ слѣдствій о событіяхъ браковъ и рожденій, не записанныхъ или неправильно записанныхъ въ метрикахъ. Пермь. 1880 г. Въ типографіи Каменскаго. VI стр. 216.

Цѣна безъ пересылки 75 коп. въ корешковомъ сафьянномъ перешлетѣ 1 руб. вѣсов. за 1 фунтъ по разстоянію: 10—25 коп. Выписывающіе отъ автора болѣе 10 до 30 экз. могутъ получать по 70 коп. за экз. отъ 40 до 50 экз. по 65 коп. свыше 50 экз. по 60 коп. сер. съ пересылкою. Мелочъ можно высылать гербовыми марками въ 60, 15 и 10 коп. и почтовыми мавками въ 10, 7, 5, 3 и 2 коп.

Адресъ: Въ г. Пермь, протоіерею Александру Луканину. Можно выписывать изъ книжныхъ магазиновъ И. П. Анисимова, находящихся въ С.-Петербургѣ рядомъ съ Императорской публ. бібліотекой и въ Москвѣ на Никольской ул. д. Заиконоспасскаго монастыря.

Содержаніе

1) Слово въ день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя. Ректора семинаріи Протоіерея Петра Лосева.—2) Искрологъ.—3) Объявленіе.

Редакторъ Н. Суворовъ.

Дозволено цензурою. Сентября 14 дня, 1880 года. Вологда
Въ типографіи Губернскаго Правленія.